

Ткачева Т.В., студ. гр. 404 БГУКИ

Науч. рук. – Смолик А.И.,

д-р культурологии, профессор

**ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МОСКВЫ
В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ И. К. КОНДРАТЬЕВА
(НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОЧЕРКА
«СЕДАЯ СТАРИНА МОСКВЫ»)**

Город является выразителем новой формы поселения, вызывает к жизни и новую социокультурную организацию пространства, в котором живет человек. Задача построения общей картины взаимодействия человека с городской средой актуализирует необходимость осмысления феномена формирования социального пространства города, являющегося значимым фактором обусловленности социальной жизни.

Полифункциональность города обуславливает проблематику и методологию его познания. Города занимают важное место в истории вообще и в истории культуры в частности. Со времени своего возникновения города становятся не только центрами человеческой деятельности, развития ремесел, материальной и духовной культуры, но и объектами исследования многих наук. В истолковании понятия, как указывает Иконникова «город» (греч. polis; лат. civitas, urbs) существуют различные подходы: социологический, культурологический, семиотический, системный [4].

С точки зрения культурологии город как объект изучения можно рассматривать с нескольких позиций. Прежде всего – это поиск жизненного центра (или центра жизненной силы) города, по-другому – его души, или формы. На языке антропологии его можно назвать менталитетом, спланированным горожан не только в пространстве, но и во времени, сохраняющимся из поколения в поколение. Эта ментальность (или

духовность) создает единый образ города, его своеобразие, похожесть на облик других городов [1, с. 48].

Вторым моментом следует назвать стилистический анализ архитектуры и дизайна городской среды от пластической проработки артефактов мелкой политики и графического дизайна – рисунка оград, решеток, их чугунных узоров, до рекламных плакатов и стендов, до светового оформления города в ночное время. Сюда же надо включить овладение нормами стилистики поведения горожан на улицах, их манеры одеваться, речевой практики.

Третьим направлением исследований может стать изучение коммуникативных процессов в городской среде, начиная от доступных прямому наблюдению средств визуальной коммуникации в открытом пространстве городских интерьеров, вплоть до скрытых от взора уличного наблюдателя процессов, происходящих за стенами домов в виртуальной реальности электронных средств массовой коммуникации и компьютерных сетей [6, с. 98].

На основе семиотического подхода, который базируется на постулате: город – это носитель и транслятор культурной информации, можно рассматривать понятие города как культурного текста и своеобразной знаковой системы. Основными элементами данной системы могут быть отдельные постройки (дворцы, храмы, особняки, просто дома), комбинации построек (кварталы, улицы), способ организации городского пространства (площади, парки, планировка города в целом), литературно-городской текст [3, с. 49, 50].

Городское пространство имеет не столько физический, сколько символический характер, который обусловлен не столько различием материальных вещей, сколько различием разнообразных источников информации, текстов. Пространственная среда города (дома, ансамбли, мода, газеты, реклама) – не просто смена физического окружения, а смена источников информации, переход в новую культурную среду.

«Посвященные» жители могут «прочитать» свой город. Каждый город имеет свой язык.

Дефиниции «города» могут быть весьма различны по содержанию. Однако исходные позиции изучения города обусловлены, прежде всего, содержанием той национальной культуры и спецификой того географического ландшафта, в котором город развивается. Именно эти особенности и будут определять предмет исследования, а именно структуру и наполнение культурного пространства конкретного города [1, с. 75].

В основе понятия пространственного семиозиса лежит общее понятие информации, а также средства информационной связи: индексы, сигналы, знаки, символы, модели, их репрезентативные и коммуникативные функции.

Как результат семиотизации пространства можно рассмотреть пространственные тексты, их структурное разнообразие (пространственные «тексты» предметной среды и архитектуры, основные особенности их синтактики, семантики, прагматики); особенности пространственных средств репрезентации и смысловыражения; значения пространственных форм и отношений как единицы коллективного сознания; пространственный семиозис как механизм коммуникации между субъектами, «языковые игры» с пространственными структурами, стабильность пространственных структур и их роль как средств хранения информации, многообразие и историческая изменчивость способов их интерпретации [5, с. 27, 28].

Следует отметить, что историческая жизнь города, как и любого другого обжитого места, тоже всегда сопровождалась и сопровождается знаковой репрезентацией. Любой город постоянно и стихийно продуцирует собственное символическое поле со своей структурой и семантикой.

Таким образом, городское пространство является текстом культуры, который состоит из множества символов. Иван Кузьмич Кондратьев в своем историческом очерке «Седая старина Москвы» последовательно описывает архитектуру Москвы, тем самым объясняя городское пространство как культурный текст. Автор обращает внимание на архитектурные

достопримечательности Москвы, тем самым повторяя известную историческую топографию города и выделяет их символическую роль для него.

И.К. Кондратьев начинает свою книгу с краткого исторического очерка об истории Москвы. Автор уделяет особое внимание описанию Московского Кремля, поскольку именно с этого места формируется город, обрастая посадами и слободами. Так возникли Китай-город, Белый город, Земляной город. Далее идет подробное описание достопамятности Земляного города, Китай-города, Белого города. С XIV в. начался период Московской Руси, продолжавшийся до конца XVII в. С возникновением централизованного государства его столица приобрела мировое символическое значение, отчетливо выраженное в доктрине «Москва – третий Рим». С XVIII в., в петербургский период русской истории, Москва оставалась первопрестольным градом, где, как и в древние времена, венчались на царство российские императоры [2, с. 344].

И.К. Кондратьев описывает не только архитектуру Москвы, но и раскрывает вкусы, пристрастия своего времени, когда в архитектуре, искусстве, интерьере, быте и одежде в моду вошел «русский стиль», которое возникло во второй половине XIX в. «Русский стиль» характеризуется возрождением традиций древнего зодчества – шатровых башен и колоколен, крестово-купольных храмов, теремов. На примере фундаментальной работы И.К. Кондратьева «Седая старина Москвы» мы можем проследить черты «русского стиля» главным образом в описании архитектуры Белого города: церквей, монастырей, Румянцевского музея.

Необходимо отметить, что классицизм оставил очень важный след не только в мировой культуре, но и в русской культуре того времени. Обновленный образ Москвы эпохи классицизма мы можем наблюдать в трудах у И.К. Кондратьева. Одним из ярких памятников классицизма, описанных автором в «Седой старине Москвы» является, например, Пашков дом в Москве (Городская усадьба П.Е. Пашкова) 1784–1788гг. В это время

восстанавливалась Москва, сгоревшая и опустошенная наполеоновской армией в 1812 году. Средствами классицизма город возрождался, но не в прежнем образе столицы «дворянской республики», но исключительно как «сердце России», как символ бессмертия нации и ее триумфальной победы. Самобытное и бурное развитие классицизма выступает как символ высокой степени европеизации русской культуры [2, с. 287].

Рассказывая о Кремле, он приводит народное предание о том, как русский мужик снял Наполеону крест с Ивана Великого, а французский император велел его казнить. Подробно в описании памятника Минину и Пожарскому Кондратьев рассказывает о поисках захоронения Минина и Пожарского и о вскрытии гробницы последнего в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре в 1851 г. графом А.С. Уваровым.

В конце книги, посвятив этому специальный раздел «Старинные московские кабаки», автор дает возможность читателю погрузиться в повседневный мир русского человека, что является неотъемлемой частью культуры в целом. Описывая при этом истоки питейной продажи в Москве, И.К. Кондратьев упоминает о первом кабаке Балчуге, о прозвищах старинных кабаков: «Истерия», «Карунин», «Хива», «Варгуниха».

Описывая архитектуру Москвы XVIII века, автор привлек в значительной мере новый материал, собранный им в результате исследования в области истории русского зодчества. И.К. Кондратьев знакомит читателей с лучшими произведениями московской архитектуры XVIII века. В частности с такими сооружениями, как Меншикова башня, дом Пашкова, Голицынская больница, здание Сената в Московском Кремле [2, с. 164, 165].

И.К. Кондратьев описывает не только видимые особенности архитектурных строений, окрестностей, памятников культуры, но вместе с тем дает историческое описание данных артефактов, что позволяет выделять аксиологическую, семантическую и гносеологическую ценность путеводителя «Седая старина Москвы».

-
1. Анциферов, Н.П. Книга о городе. Город как выразитель сменяющихся культур / Н.П. Анциферов. – Л, 1926. – 340 с.
 2. Кондратьев, И.К. Седая старина Москвы / И.К. Кондратьев. – М. : АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 763 с.
 3. Лотман, Ю.М. Семиотика города и проблемы семиотики города / Ю.М. Лотман. – Тарту. : ТГУ, 1984. – 480 с.
 4. Тыхеева, Ю. Ц. Человек в городском пространстве (Философско-антропологические основания урбанологии) / Ю.Ц. Тыхеева // Московский гуманитарный университет [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа : <http://www.mosgu.ru/>. – Дата доступа : 09.12.2013.
 5. Янковская, Ю.С. Семиотические механизмы архитектуры / Ю.С. Янковская // Известия Уральского государственного университета – 2004. – № 32. – Вып. 16.
 6. Ярская, В.Н. Пространство и время социальных изменений / В.Н. Ярская – М. : Саратов, 2003. – 170 с.